

LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE OF INTERNATIONAL ADOPTION AT THE UNIVERSAL AND REGIONAL (LOCAL) LEVEL: PROBLEMS OF THE CURRENT STATE

RUKOLEEV Vitaly Alexandrovich

Assistant of the Department of Constitutional and International Law
Ural State University of Economics
Yekaterinburg, Russia
(SPIN-код): 4210-8243

This paper presents the current state of international legislation in the field of adoption. International treaties at the universal and regional (local) level are analyzed, and the participation of states in them is assessed. Concluding the study, the author stated that the main problem of proper legal regulation of the institution of adoption is the low integration of states in cooperation in the area under consideration.

Keywords: international right, adoption, child, public authorities, parents, universal act, regional act.

РОЛЬ ЭКСТРЕМИСТСКОГО МОТИВА В КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ

СОШНИКОВА Ирина Владимировна

кандидат социологических наук, доцент
доцент кафедры публичного права

НИКИТИНА Альбина Евгеньевна

магистрант

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»
г. Екатеринбург, Россия

В статье изучается экстремистский мотив как криминообразующий фактор преступлений экстремистской направленности. Раскрывается важность различимости экстремистского мотива и хулиганских побуждений при квалификации преступных деяний, а также рассматривается методика выявления экстремистских преступлений среди прочих.

Ключевые слова: экстремистский мотив, экстремизм, преступления экстремистской направленности, квалификация преступлений, уголовное право.

За последние несколько лет количество преступлений экстремистской направленности растет, если еще в 2019 г. их было зарегистрировано около 500, то уже в декабре 2022 их количество возросло практически в 3 раза [9]. При расследовании таких преступлений правоприменители часто упускают важность экстремистского мотива у субъекта. В связи с этим, актуальной темой является его практическое изучение и поиск методики исключения экстремистской направленности в деятельности субъекта для корректной квалификации преступления.

За последние несколько десятилетий экстремизм как явление стал предметом обсуж-

дений не просто государственного уровня, а мультинародной проблемой, актуальной практически для любой страны мира. Экстремизмом принято считать приверженность к крайним взглядам и мерам [8], что является наиболее общей его дефиницией, так как каждое государство определяет его по-разному. В ряде других стран, принявших положения Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, положения которой также ратифицированы Российской Федерацией, экстремизмом принято считать какое либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на

насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством [1].

В свою очередь в российском законодательстве в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 N 114-ФЗ дан исчерпывающий перечень деяний, которые признаются экстремистскими, в том числе нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии [3]. Также, помимо прочего указан пункт, отсылающий к Уголовному кодексу российской федерации в связи, с которым экстремистским признается совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Одним из важнейших элементов экстремистского деяния является экстремистский мотив, который считается стимулом, внутренним побуждением лица к совершению преступления. Поэтому следует различать такие понятия, как экстремистская деятельность и сам экстремистский мотив, так как первая возникает как следствие наличия второго. При этом экстремистская деятельность представляет собой активные действия по реализации возникшего стимула; отсутствие экстремистского мотива свидетельствует о том, что преступление нельзя квалифицировать как экстремистское.

Экстремистский мотив в Уголовном кодексе РФ вырезается либо с прямым указанием, как например, в ч.1 ст. 282 («...по признакам пола, расы, национальности...») или в ст. 357 («...национальной, этнической, расовой или религиозной группы...»). Либо такой мотив подразумевается через введение в диспозицию понятия экстремистских действий, что можно увидеть в статьях 280, 281.1, 282.2, 282.3 УК РФ.

В связи с этим возникает вопрос о конкретизации и определении экстремистского мотива, так как он является неотъемлемой частью не просто субъективной стороны преступлений экстремистской направленности, но и частью диспозиции уголовных статей [7].

Представляется, что мотив в экстремистских преступлениях является фактически криминообразующим признаком, в частности, следует учитывать, когда преступление совершается из экстремистских побуждений, а когда подлежит иной квалификации. В практике встречаются случаи, когда преступления, совершенные на почве идеологической или национальной ненависти, ошибочно квалифицируются как совершенные из хулиганских побуждений, что справедливо и в обратных случаях [6].

Наиболее ярко экстремистский мотив виден в двух случаях: когда преступник совершает деяние ввиду принадлежности его самого к определенной группе, целью деятельности которой является радикализм в отношении отстаивания собственных идеалов и, когда потерпевший является представителем какой-либо социальной группы. Сложности появляются в стихийно совершаемых преступлениях. Тогда правоприменителям следует особенно тщательно изучать личности потерпевшего и подозреваемого, с целью установления приверженности первого к определенной социальной группе, и отсутствия у второго личностной неприязни к конкретному лицу. В абз. 3 п.3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» об этом сказано так: «Для правильного установления мотива преступления следует учитывать, в частности, длительность межличностных отношений подсудимого с потерпевшим, наличие с ним конфликтов, не связанных с национальными, религиозными, идеологическими, политическими взглядами, принадлежностью к той или иной расе, социальной группе» [4].

Также экстремистский мотив важен в установлении вины в деяниях, связанных с распространением экстремистского материала в сети Интернет. В частности, в вышеука-

занном Постановлении Пленума указано, что следует учитывать не только сам факт размещения информации, но и «иные сведения, указывающие на общественную опасность деяния, в том числе на направленность умысла, мотив совершения соответствующих действий» [4].

Таким образом, установление экстремистского мотива является важным элементом

доказывания. При расследовании и квалификации преступлений следует первоначально исключать личные неприязненные отношения между субъектами, исключать хулиганский мотив, а затем рассматривать наличие экстремистского мотива у подозреваемого. Такой подход представляется наиболее корректным для исключения неверной квалификации преступных деяний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – Санкт-Петербург: Норинт, 2014. – 1536 с.
2. Левашова О.В. Экстремистский мотив и его значение для уголовно-правовой квалификации геноцида / Е.А. Глушакова, О.В. Левашова // Закон и право. – 2022. – № 2. – С. 159-161.
3. Некрасов Д.Е. Цели и мотивы преступлений экстремистской направленности: сущность и учет в практике исполнения наказаний // Вестник Кузбасского института. – 2021. – № 4(49). – С. 101-107.
4. Портал правовой статистики. – URL:<http://crimestat.ru/> (дата обращения: 15.07.2023).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
6. Турышев А.А. Экстремистский мотив преступления / Р.Р. Абдуганеев, А.А. Турышев // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – № 1(35). – С. 103-109.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. 10.07.2023) Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
8. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. 28.12.2022) Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
9. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) – URL: <http://kremlin.ru/> (дата обращения: 15.07.2023).

THE ROLE OF EXTREMIST MOTIVE IN THE QUALIFICATION CRIMINAL ACTS

SOSHNIKOVA Irina Vladimirovna

Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Public Law

NIKITINA Albina Evgenievna

Undergraduate

Ural State University of Economics
Ekaterinburg, Russia

The article studies the extremist motive as a criminogenic factor of extremist offences. The importance of distinction of extremist motive and hooligan motives in qualification of criminal acts is revealed, and also the methodology of identification of extremist crimes among others is considered.

Keywords: extremist motive, extremism, extremist offences, qualification of crimes, criminal law.